

* * *

Сигма, сигма, сигма... сигарета...
Позабуду, что хотел сказать.
Одуванчиками разлетелось лето –
не вернуть назад.

Я вчерашний, мне и мало горя,
что навечно ввёрнут в уши ритм.
В чашке белой яд ли, молоко ли –
невзаправду риск.

Ничего ещё не понимаю,
словно детям в цирке пламя пьют.
Как смешно! ладони окунаю
в памяти струю...

* * *

Призрачны утхи серебра,
бесконечную Луною опоясанные.
Великан, как в детстве, одноглаз,
а мольба, как в юности, напрасна.

Тысячи возмездий под Луной,
одного лишь избежать пытались,
а оно, вот именно оно,
мозг нам заполняло, разрастаясь.

Я пришёл сюда без всяких дел –
только бы увидеть эту касту!
Я виновен: я не плакал – пел.
Сознаюсь и ожидаю казни.

Толпы поцелуев по бокам,
конвоирующих невидимок.
Утро тянется издалека
сквозь незакреплённый фотоснимок...

* * *

Со старых тайн сорвав покровы
для созерцанья новых таинств,
седой чудака со сто второго
закинул удочку, пытаясь
поймать звезду.
А может, кошку?
А может, женщину он ловит?
Пергамент в интегралах – кожа.
Чудака с балкона сто второго...

Ему уже очень много лет.
Голова устало склоняется к скрипке.
И, как сквозь сон, он слышит: «Умер Коперник...».
И смутно понимает, что это не о нём...

Время!
Мы натыкаемся на тебя, прозрачное и неодолимое
(как точно сказано: «...время от времени...»!).

Можно время сжимать и растягивать,
обгонять, отставать – несложно.
В ногу с временем можно вышагивать...
Обойти – невозможно!

В спокойствии таятся те же страхи.
Алмазы выдают себя за стразы.
Кому охота, чтоб его украли?
Кому охота – волосы покрасить?
Кому мигает комнатный аквариум?..
В горсти пересыпаются минуты,
потомки обнищавшие минувшего...
О, домыслы – таинственные твари!
...зелёные-зелёные, земные,

ещё мечтаем мы, что зазимуюем,
ладони соскользают по ладоням...

Отключим время – пусть теперь догонит!

Время!

Уходит, кланяясь, недавно близкое.
Сминается бумажный прочерк тел.
Со мной останется одна лишь присказка:
«Забытый город мне осточертел!».

Рим, белая латынь,
воронёные латы мидий,
черноморский полдень,
пресыщенность.

Мы все виновны,
мы боялись раскованности,
боялись жизни,
быть смешными и новыми,
всегда озирались.

За это нас всех накроет волна...

Время не ждёт.

Пощады не будет.

Это понимают все,
но никто не признается,
я тоже.

Дрожание железных оград и кожи,
всё дальше и дальше и глуше,
чуть обнадёживая, как гадание на кофейной гуще...
Уходит, кланяясь, недавно близкое...

И несомый кем-то месяц недозрелый,
лук Эрота, месяц согнутый и узкий,
шлёт звездоголовы – праздничные стрелы,
словно в гастрономе торт дают с нагрузкой!

* * *

Солнце ты, а я земля.
Золотой твой цвет.
Никакого корабля
не было и нет.

Не приплыл на нём пират.
У него кошмар:
заменял, теперь не рад,
паруса на пар.

Наше прошлое прошло,
И раскрытый рот
время – битое стекло –
доверху набьёт.

И сливается, крутясь,
как змея с сосной,
золотая шестерня
с чёрной шестернёй...

СНЫ

Умирает день-Спаситель.
Ангел в куртке ярко-синей
мимо мчит на мотоцикле –
вечер...

Зачем, зачем Ты покинул меня, Вечный?!

Умирает лиловый гигант,
утыканный смертоносными звёздами,
разевает призрачный рот
и выплёвывает Луну,
как серебряный маленький рай.

Ночные грозы,
анонимные письма,
перестрелка соловьёв,
подводные лодки,
натыкающиеся на собственные мины,
легкомысленные признания микробов,
брачный танец галактик –
всё это чревато утром,
которое выйдет
с весёлой отрубленной головой подмышкой.

На каждом углу – гильотины киосков...

* * *

Днём грядущим сокрыты
все события в ряд,
как пейзаж после битвы...
Как пить дать, говорят.

Приходи, вырви зубы
запотевшей тоски,
освежи мои губы,
дай мне пить!
Дай мне пить!!

Ничего не нарушу!
...словно мягкая ртуть,
время рвётся наружу –
ничего не вернуть!

* * *

Плывут из песнопевной темноты –
...гекзаметр, гекзаметр...
гекзаметра священные черты.
...гекзаметр, слезаметр...
Пришла пора, Приамов град сгорел.
(В то лето удивлял в Элладе снег...)
Никто не крикнет: – Среди нас Гомер!!
...гекзаметр, глаза мои...
Никто не знает, что Гомер ослеп.
...гекзаметр, гекзаметр...
Смешно смотреть, как он ступает вслед,
и подают Гомеру меньше всех.
(Огрызок яблока воткнулся в снег...)

Бессмертия стоят, как строй кассет.

* * *

Вымирают нимфы и сатиры,
выпивают кровь у них вампиры,
и гниют на берегу крапчатым
рукописи раковин-перчаток.

Сад корнями заплетает кости,
ссадины затягивает корка,
Троя-2 на месте Трои прежней...
Жизнь жива – бессмысленно и нежно.

* * *

площадь непобедима
цирк распухшая рыба
апельсиновые глазницы
апокалица
помнишь помнишь вон там
рылись в книжной раскладке
руки на шею перо за ухо
как волка ни корми а тебе есть тоже надо
ложку в тарелку вилку в розетку
некому больше держать небо
уложили на обе лопатки
зубы такие ненастоящие будто
восемь ей одиннадцать лет
чёрно-белую змейку блестящую сутки
ест
чёрно-пегие воды кругом стоят
чёрнопятые плоды низко висят
и никто их не ест
пиковый интерес
чёрно-белая радиоточка молчит
пульс стучит
и когда душа закричит
ничего не надо не верю...

всё будет так же
страшный суд не состоится
снег будет падать
на море
мокропяное как при гомере

* * *

На Капри, на Тибре рыдает аргон.
По берегу – арки и пары.
Победа бедна, как спартанский архонт,
последний, безумный и старый.

Ещё не успели слезинку испить,
а лето опять улетело.
Притиснуто в транспорте время в час пик –
слепое и тёплое тело.

И свет не зажечь, и нельзя позабыть,
дыханье таить, не обидеть...
Столы сатурналий.
На вёрстах столбы.
В Молдавию едет Овидий.

ПОДРАЖАНИЕ БРЕХТУ

И
поскольку
мало кто его знал в лицо,
победители
ворочали мозаику трупов,
победители
выпытывали у пленных;
пленных
было шесть тысяч,
и почти все
отвечали одно:
– Я Спартак!

Так что,
в конце-то концов,
чтобы не вышло ошибки,
несмотря на огромный материальный убыток,
всех их распяли вдоль Аппиевой дороги.
Шесть тысяч крестов,
как приснившийся аэродром,
торчали в небо...
Так,
под знаком креста,
начиналась
новая
эра.

* * *

Мне сатир попался в роще,
козлоногий и поджарый.
Я схватил его за рожки
и убил одним ударом.

(Говорят, сатирье сердце
помогает от проказы,
злой любви, реминисценций,
гриппа и дурного глаза.)

Но подумав, что увидит
и меня однажды Некий,
и моё он сердце вынет,
и останусь я калекой,

вокресил его: живи, мол!
И вскочила эта падаль,
и, меня копытом двинув,
унеслась, виляя задом!

* * *

Вином золотым, винным солнцем облиты,
хмельны или просто легки,
в стремительной пляске несутся лапиты
с кентаврами вперегонки.

Шумят древолюди и ржут людокони,
солёною силой полны.
Да царствует свадьба
на всём Геликоне!

Не будет
отныне
войны!

С ладонями в такт ударяют копыта:
будь счастлив, будь счастлив, жених!..
Танцуют кентавры, танцуют лапиты –
как славно остаться в живых!

А каждый кентавр приглядел себе кралю..
Под пение эпиталам
танцуют последние капли в бокале,
катящемся кромкой стола...

* * *

никто не может
затеять затерять
в пределах кожи
на коже рябь

и медленно
как ты и сон и соль в воде
в пределах лезвия
всплывают блики лебедей

лепечет лепет
шагает шаг
в пределах лета
влюблённый наг

и вечно будут молить как хлеб
в пределах будней
на сломе лет

КЮХЕЛЬБЕКЕР

Нет звёзд – в пробитом небе только трещины,
нет мужества в пустынной голове,
нет друга, нет подруги – как обещано,
и часовой устал шататься по траве

И тяжела же служба гренадёрова:
у часового ноет зуб глазной,
и в красный омут окунает голову...
Оно всегда вот так перед весной.

А, невидаль-тоска за стенкой этою!
Прозрачный штык не тянется, не сон.
Питается империя поэтами,
приправую – аттическая соль.

Но, обнимая профиль неэллинский,
тебя кривая всё ещё везла,
как твоего героя до Елены
вёз ловкий бог, скукожась у весла.

ДЕНЬ

Александр Еременко

1

Двумерен лес,
где размышлял он, прежде чем исчез:

«...снег – тёмный враг. Не говорить – дышать
почти мешает он конструкций этих раструбам,
но в шаткой тесноте я стану разрушать
слепое тело это и контрастное...».

Сквозь интеграл распятий – колесо –
им день сквозил, засасывая утро,
посуду, самобранку, камасутру...

В конечном счёте день в себя затянет всё.

2

Смеркалось сухое железо,
и воют ли печи, в крови,
когда вдоль всего побережья
разбросаны ноги твои.

Над ними, над вами, над морем
единого неба плита.
Металл сквозь ресницы не смотрит.
Почти не мешает металл.

Потом просыпаются тоже
и видят, что это не так.
Металл не мешает под кожей.

Металл не мешает летать.

* * *

Заушательский скрежет любви и ерёменской дрели,
и льняная игра, как в игре, горяча, горяча.
Только снайпер за то, что растратил патроны, рас-
стрелян.
Льнёт приклад к полубальным плечам...

Вот в такую-то ноченьку на берег ты выходил, бра-
коньерствуя,
чтоб животными вод пополнялся священный запас.
Как писал уже некто, пришло гусакам время нереста,
и от дамы на ветке под облако всплыл ананас.

Плыл, покачиваясь...
Не оглох ли
от зубчатых игрушек, швейцарцев, детей?
Между тем
до утра занимался большой манускрипт сдвиголо-
гией.
Между тем.
Ад.
Эдем.
Между
тем.

* * *

Обнимая беспочвенный радиус
или пытаясь достигнуть периферийных волн,
вспоминаете внезапно песню про Стеньку Разина,
восточную девку и с непонятной деталью чёлн.

Вместо того, чтобы отключить питание
и отплыть блаженно, руки вперёд –
глаза в потолок поперёк гортани,
сужающей в струйку зернистый мёд,
в котором набухают руки, ноги,
глазные яблоки, сигналы галактик...

Хорошо лежащим в железной дороге
поперёк напрасного подаяния ласки.

.....
Хорошо лежать в прохладных вазах,
к полудню проглатывающих шествия,
но ладони наши обгрызла проказа,
из бумаги детства добредшая.

Кто-то время теряет, пишет мелом
поперёк стекла: «Не надейся!».
А за надписью дышит её чёрное тело
как предмет детективного действия.

Поездов янтарные ожерелья
в так дыханью стучат торопливо,
и последний из будущего апреля
снег пробился в мир негатива.

БАЛЛАДЫ СНА

1

Горбатый Рено, ковыляя, бредёт к неизвестному
Риму,
толкая обломок колонны; и лепится путь голубой.
Верёвка кровит, и на спутанных улицах рынка
его проверяет дубина, его проверяет любовь.

Он просит подать на строительство равного храма.
Повсюду мерцает пиастров и перстней старинный
запас.
И снова Рено, пригибаясь, наносит смертельную
рану,
и труп в толчее изумлённо глядит и не может упасть.

Все деньги свои пропивает Рено, как умеет,
и бешено спит на обломке колонны в обнимку с
собой.
И капает кровь его шеи, и верит во сне, что уместны
во имя строительства рая безвременье или разбой...

2

*...Смерть у лета на краю...
Марина Цветаева*

В тёплой улице музей.
Тень.
Лица львов и бронза змей.
Зелень меди и колец.
Презабавные скульптуры;
вместо бёдер, вместо лиц,
вместо плеч и постаментов —
только маски без ресниц.
Шмель пластмассы полосатой
прилетел, остановился

и в зените зазвенел:

– Раззные!.. раззные!..
Взззз! Ндзззз.!!!..

И улетел.

А Марина говорит:

– Это время расписное,
золотое, наливное,
кружевное к нам летит...

Мрамор всё коричневеет.

По окраинам болот
золотой кустарник прееет,
малярией не болеет.

Не живёт.

Это Время.

Это время.

Взззз!

Бззз!

3. КАЛИГУЛА

Калигула, принц ещё,
встречает армию,
возвращающуюся из похода
под водительством монарха.

– А, здравствуйте!

Моё почтение,
товарищи-солдаты,
ваше величество монарх,
он же государь император...
а это кто?

– Это коза,
а по-вашему –
Протей!

И Калигула берёт
козу и уводит
в чащу леса –
общаться с богом.

И монарх, скрепя сердце,
объясняет солдатам,
что таков обычай
правлящей фамилии,
что это, мол, государственная необходимость.
И легионеры,
все, как один,
скалят зубы и стоят вольно.

А меж тем Калигула,
лёжа в траве,
с руками под головой,
ни о чём не думает.
А коза
щиплет нижние веточки
дуба – дерева славы.

СОНЕТ

Я раньше никогда не умирал,
как бусы, как серебряные ложки.
Воспоминанья по природе ложны –
блескучая воздушная икра.

И снился город мне – как Ленинград,
чуть серый, удалённый, непреложный;
и сон сужался в маленький экран.
И я забыл её неосторожно.

Но ей дозволено и то, что богу сложно.
На сером пляже – чёрно-белый храм.
Куб жертвенника гладок невозможно.

Протянешь руку – но пришла вчера.
Днём вспоминаю, бережно, подкожно.
Нет никого, и кажется – игра.

ГОРОД

* * *

За готическим окном не пьют вина.
За оптическим окном всегда в седле.
А на внутреннем дворе моя жена
учит нашу дочь
летать на помеле.

Трудно мне – я с этим не рождён.
Золотых крестов, сердец, пружин
смесь похожа на часы, на сон...

Смерть похожа издали на жизнь.

ПОПЫТКА ПРИМИРЕНИЯ

Этот город стоит на холмах (Рим!),
истекая зелёной кровью.
Кряхтят катера, как будто Крим-
хильдиных криков крохи.

Где ты, эпос,
лебяжий меч?
Где тайный крест на одежде?
Дракону велели под деревом лечь.
Как у людей – всё прежде...

Он ей твердит:
«Ты прекрасней всех!».
Она:
«Ах, Вы мне льстите!».
И снизу вверх
бронзовеет смех.
В эпицентре его –
Креститель.

РИФМА

*...Одна мне в мире рифма – Навин...
Г. Державин*

Вот время чёрное.
Весьма учтиво
прокусит кожу, так, чтоб зря – ни капли,
рельефной тенью наведёт морщины,
поёжится в затрёпанных плакатах.
Оно шероховато и венозно,
в потёмках пляшет, гость слепой и ржавый.
А зазеваешься – набьётся в ноздри
и изнутри пожрёт тебя, Державин!

...Не стоит
с этим временем родниться,
дым жертвенный таскать ему в стакане.
Пусть смое с ясеня мою страницу
дождь города,
отчасти лютеранин.

* * *

Город, латунный в темени,
соль и суббота весь,
из драконова семени
и для лета воскрес.

В тёплом ветре бутылочном
полдень в латах речных
время белое вылушит
в сером скопище книг.

Город, зелень и золото,
празднично-бестолков,
бросил с гулкого молота
сотню круглых гудков.

И над гробом лирическим,
жёлтым пивом полна,
подозрительной личностью
ковыляет Луна.

ГЕРМАФРОДИТ

*А что, когда вся сушая природа –
Собрание живых и мёртвых арф?
Кольридж.*

Любовник музыкальных инструментов,
приговорённый к пению,
раз двадцать
укрывшийся за смертной кличкой “ментор”,
раздваиваясь, учит раздеваться.
Полураздетая, вода застыла
каскадами, уступами...
Как стыдно!
Коснусь, мертвея, в зеркале – напиться.
Войти в неё по грудь.
Соединиться.
Кругами по воде идут личины.
Одна струна осталась, словно жало,
жужжащее от желчи Марциала:
“Ужель твой раб – единственный мужчина?!”

Купались вместе, в пене и впотьмах,
пока не рухнул Город на холмах.

* * *

Я был игрушкой, заводным Орфеем,
несбывшегося хора корифеем,
бормочущим строку "Упанишад".
Душ-лепестков теплился еле-лепет,
свечей погашенных, вдвойне нелепых.
Я помнил только предыдущий шаг.
И в шорохе, как свет, клубившем плечи,
Аристофан шагал ко мне навстречу
(его сопровождал слепой конвой).
Вождь вакханалий с мыслями аскета,
полу-Шекспир эпохи нерасцвета,
эпохи тюрем и превентивных войн,
он постарел. И мёртвые стареют.
А так как нету в лимбе брадобреев,
он наступал на седину свою.
Он путал Фидия и Эврипида
и только помнил, как злещёный идол
переступил Афины, как скамью.
Он, приближаясь, съёжился и сжался,
и на плече его уселась жаба.
И это был уже Тулуз-Лотрек.
И что-то он мне объяснить пытался...
Но в разговор по-прежнему вплетался
шум Леты и других подземных рек.

УТОПЛЕННИК

Проходит полдень. В камыше
вдвоём душе и телу тесно.
Но что-то есть ещё в Душе,
столь интригующее Тело.
Стихи? Едва ли. В них Стыда
не соблюсти, и Горя мало...
Но, может быть, тогда, когда
запоминает тело маятник
во сне, густеющем, как мазь
или вода, в которой воздух
переполняет рыб впотьмах,
в стекле, в свинце, снующих остро
сквозь ночь, стечение ушей,
не различая вечность, вечер...

Жара. В прибрежном камыше
уж больше невозможна встреча.

* * *

Зачем теперь ко мне вы так нежны?

Обходит осень поздний виноградник.
Его невероятные названия
на этикетках пенятся ночных...

А может, так и должно, в самом деле:
крест памяти гранёный на себе
нести и знать, что возвращенья нет?
Железные

перила

заржавели...

КНИГА

Юрию Проскурякову

Воск безумен, и этим-то время себя утешает,
расшвыряв реквизит для осеннего вестерна.
В пустыне вокруг деревень мотаются шестерни.
Головы прикрываются пламенными ушами.

Скребуются в себе сутки.
Тихо
склеиваются в часах сиропные рыбки.
Дремлю, одурманенный, от любви до улыбки,
где горячие рельсы вогнутой перспективой,
обезноженный воздух
и безжизненный мост сквозь резину и нейлон снуёт.
Кто же знал,
 кто жених,
 кто жуёт?!

Три манекена обнялись.
И она –
манекен.
Факельный компресс за вырез вложен.
Играет, плавает большое животное и шевелит суда.
Разевает пасть, говорить не может.

Покинет палубу раньше меня стража
в хлорке и тупиковой ругани.
Зрачок с трёх стран сжимается, словно выстрел.
Клочки бумаги, полузатопленная кожа.
Каменный тянет вниз, не размыкая рук.

ЗА КУЛИСАМИ

(портрет актрисы)

М.

И
Куклёнок,
по струнке пройдёшь, трубя,
носом чистый тон отбирая.
Мука и мёд облепят тебя
в душевом кабинете рая.
Скачут кругом варианты сестёр
лысыми
космонавтами.
Твой волосок обтекает
стол...

Всё это выучить к завтраму!

Мстительно отвернёшься ко мне:
десять дней сигарет тебе не дают!
Через год твои волосы отрастут
до бёдер,
до пят,
до корней.

Как мучение не говорить впотьмах,
не видеть, как шевелится язык,
имя твоё
у всех на устах,
смело зубрящих азы.

Все машины проносятся к парку,
их опрокидывает ветер.

Оденься в кожу кофейного лета,
как охотно бы в дрожь
облеклось стекло.
Но того, кто жив, отвернувшись от света,
ждёшь.

Что ж – повезло!

* * *

Злость-время, вор зерна, издевка золотая,
лепечешь, лаешь, машешь, мечешься, летаешь
колёсному железу против лезвий,
необязательных, как остров Лесбос.

Но насквозь тела шепчет в медь и глуше
трава, не зная, что она трава,
тоска, единый выкрик
губы сушит:
быть – забывать!

Лишь спины наши светят и пируют.
Их разъедают злые поцелуи.
Нас потому и не встречает ночь.
Тьма понимает бездну,
бездна – землю,
и промысел тройной сады объемлет.
Дыши, дыши – не всё тебе равно!

Копыта цокают, чокают.
В телеге тело повезли, такое длинное.
В Тавриде хорошо, на Севере холера
и в Риме – праздник греческих колен.
Смерть и вода не могут расцепиться,
и скорчиться не дать, как заглотившим спицу.

* * *

Как только я перестану жить, станут мне доверять вполне
те, кто сейчас размазывает моё лицо по стене,
так реагируя на мой отчаянный взгляд,
молящий невесть Кого:
«Пусть время пойдёт назад!..».

И ничуть не радуется мысль, что в конце времён
ангел свернёт небеса в аккуратный тугой рулон,
потому что спираль, каковую даст поперечный разрез,
в мозг мой давным-давно вколотил ликбез.

Страх больше нет. Нужды нет убеждать цветок расцвести.
Сам же когда-то сказал, что жизнь – это песок в горсти.
Ладонь к ладони, государыню Иштар вновь и вновь
встречает Таммуз...
Отчего распадается всё, за что лишь я ни возьмусь?

Я встречался с единорогом и перевоплощался в него.
Предсказал себе свою смерть. Никому не дал ничего.
Сложив руки, ждал, когда же пройдёт мрачная полоса и ложь...
Красота, спаси мир, но меня не спасай – уничтожь!

Лягу на перекрёстке, от боли в сердце слепой улыбкой совсем
не закрыт,
сам себе и капкан, и дичь, раскину руки и, не соблюдая ритм,
буду, весь в соплях, бормотать, что, мол, не хочу, не хочу,
уж не помня точно, чего именно и почему...

И Солнце прокатит по мне, как танк, и тебя не пустит во тьму.

* * *

Спи, мученик, пльиви, не будет ничего ещё.
Двуругая, тьма поднялась повыше.
Сады опять застыли тенью воющей,
и тронный ропот брачных трав не слышен.

От Фулы вязкий воздух возвращается,
слепой корабль крутя и обтекая.
Не уходи. Ты знаешь, всё прощается
и даже больше. Так сказал и канул.

Спи, тяжесть сна. День нежный и отточенный,
и нестерпимей, чем победа плоти.
Не открывай – увидишь ли воочию
пустыню серой горлицей на взлёте.

Парча и хна, их чад и состояние...
А наяву – трехногой табуретки
наощупь не найти, и подаяние –
лишь сон, всё та же тяжесть сонной клетки.

* * *

Нырятся в подъезд настоящего дома, снимает усы, уши.
Дом сигаретно подсвечен, но сердцевина гаснет.
В полузабытых навыках перехода щекочущей улицы
стонут прохожие, в пальцах уносят промасленных гарпий.

Он
ненавидит жизнь,
и с её плеча,
просекая пролёты, стропила, сырные балки,
он бросается в небо.
На шее – два кирпича
и тут же, за наименьшем хвоста,
пустая шпротная банка.
Он бросается в небо.
Но перевёртыш-сын
опускает его в водосброс, над коим погибли птицы.
И, как белёсая радиация вскопанной полосы,
вялый след удивления на размотанных лицах.

Рыбные сутки, четверг.
Дождь уйти не успел.
Кисейный фонтан на площади –
пламя, отца не имеющее.
А он всё плыл на спине и уже после смерти пел,
потому что вода заливала рот и прочие мелочи.

Три девушки ждут купальщика в устье парной реки,
девушки ждут в эластичном убранстве тела.
Влажные, мерцают их волосы, профили, сдвоенные языки...

И всё сильнее звучит новая тема.

Р Я Ж Е Н Ы Е

ЭНДИМИОН

микропоэма

! — ...вопрос
о доставке тротила
низкооплачиваемым домашним светильникам
вполне назрел, чтоб его
поставить
р
е
б
р
о
м
!

Короче,
кровь с носу...
– между прочим,
я обращаюсь и к вам,
уважаемые новосёлы! –
обеспечьте нас
в срочном порядке
тринитротолуолом!
Нам не по карману
гремучее серебро!
У меня всё.

PRESEDATEL'STVUIUSHCHII:
Переходим к следующему вопросу...

*Следующему докладчику мешают говорить огромные очки.
Время от времени он резким движением запрокидывает
голову, поправляя их – точно на Луну воет:*

Она была-а
спела-а и смела-а,
и люби-ила его дотла-а.
А он-то пи-ил,
что память топи-ил...
Ах, сли-ивы-колокола-а!
И в час живой,
когда твой конвой
твердит глагол “эрпенад”,
она встаёт, жадно воду пьёт
и спускается в круглый сад.
А в саду, в саду, к моему стыду,
ни смолы, ни зла, ни кола.
Лишь качается тень
(а ей не лень!)...
Ах, сливы!
Колокола-а-а...

Реплика из зала:

– Тут один брюнет
сочинил сонет,
так в сонете этом рифмы все на “нет”.
Например, “Аннет – ан нет” ...
Да не перебивай,
молодой нахал!
Я ж не радикал!
Я ж не требую, чтоб рифмы были все на “да”!
Но, учитывая, что энтропия – мера неопределённости,
пора, наконец, раз и навсегда
определить границы допустимого и недопустимого,
иначе мы столкнёмся с фактом окостеневания вселенной

и вырождения космического тела
просто в плоть!...

PRESEDATEL“STVUIUSHCHII:
Да полно вздор молоть!

II
Не ешь его!
Кровь – чудный смысл
кромешного
строенья числ.
Лилась Луна.
Дождь перестал.
А он
сполна
считал, считал...

III

Ты говоришь мне об улыбке,
а я тебе – о воздаянии
и о безглазом гиганте...
но, впрочем, в любом варианте,
я лежу, замороженный,
замороченный,
делать нечего,
и бельмо на глазу моём
выглядит глетчером,
и не тает земля подо мной.

А пониже, под пегой Луной,
умирает воздушный кораблик...

IV
Что же такое отчаяние?
ПОДВИГ.
ПОДВИГ.
ПОДВИГ.

АЭРОНАВТИКА

мини-поэма

Пролог

Как на льбреющем полёте –
вы меня не узнаете?! –
над горой ли да над Льбрусом,
над горой над Араратом,
над конём над Алагезом,
над Кавказом нетверезым,
над Мерани, над мирами
мон шер ами
авиатор Зибердаух
пролетел на «Фраермане».

Ой ты, гой еси удалый!
Знать, взлетел-то ты не даром!
Так лети ж и льди сердца,
как пузырь, набитый ТЦА!

1. Смерть

*Гуляйте, воши – завтра баня!
Народная мудрость.*

Кто развеет мой сплин?
Может быть, стеарин.
Может, в лоб троекратный прицел.
Может, цирк Шапито.
Может, вовсе никто.
Каскадёр на Луну улетел...

...ещё не открыв глаз, Пушкин осознал всеми фибрами души, что давеча опять перебрал с гусарами жжёнки. А тут ещё эта Катенька Монгольфье-Денисова... ох, ух эти еженощные жертвы Киприде и Либеру, ох, всеблагие!..

– Никита! – слабым голосом позвал Пушкин. – Где мои... пистолеты?

Никита, старый увечный воин, потерявший ухо на берегах Шипки и Плевны, когда наши били в хвост и в гриву янычар, делибашей и прочих гяуров, радостно откликнулся:

– Чего изволите, барин? Квасу?

Испив жёлтого квасу, Пушкин почувствовал себя до того лучше (многоугольник в голове не то чтоб исчез, но как-то съёжился), что даже стал задирать Никиту:

– Ну, расскажи, чего самое страшное помнишь?

– Дак что ж, барин, ежли так взять, то рази кады чорта видал... В самый, значит, разгар стражения глядим: летит...

– Кто?

– Известно, кто – он!! Сам-то чорный, обкруглый, крыла зубчатые, дым из его валит серный!..

– Ну, спасибо, старинушка, – сказал Пушкин. – Распотешил. А подай-ко ты мне перо и бумагу!

И присев у окна над поющей по случаю тезоименитства улицей, он аккуратно вывел:

...под высокую руку берёт...

И столь же аккуратно зачеркнул.

Мимо окон, вызываяще трубя матчиш, проехал некто с белой головой. Лицо и мундир его были лягушисто-зелёного цвета – как фигуры на Аничковом мосту.

– Сукин сын! – сказал ему вслед Пушкин. Подумал и добавил:

– Великосветский шкода!..

2. Почему взлетел?

*...а Психея, распростёртая по земле, сколько
взгляда хватает, следит за полётом мужа...
Апулей, «Метаморфозы».*

Утиным пугалом безлистным
ночной и в бигуди Эрот...

Да что ему стандарт и выстрел?!

Он

сотворил запретный плод.

Его душа в моих аллеях
исходит мёдом, солью, льдом.

А он,

под знаком Водолея,
любимый и немолодой,

перелицовывая –

глиссер! –

пространство на две полосы,

метафорически

немыслим!..

Луна!

А вовсе не часы!

3. Жизнь

...самолёт – значок на изнанке неба...

Мирослав Валек

Как много вариантов у ворон!
Встречаются и белые меж ними.
Одна из них у адовых ворот,
раскинувшись, сидит на мезонине.

Не жди добра!
Не жди, не жди добра!
Взгляни, как встречный след белеет люто!
Иллюминатор – круглая игра –
час детства – зажигательная лупа –

горящий флот – чудовищный фонарь –
высвечивает сцену – Сиракузы.
А в лимбе ждёт полубобовый ларь,
и лица у детей точны, как лузы.

Аэропорт белеет. Это ад.
Ползёт позёмь из глоток Люцифера.
Упитанно глядит аэростат
на город Феликс, этот город-феникс...

ЮГ

непоэма

1. Музей

Герб мой присоленный, твёрдый сплав – Тавроготика,
крымская степь, красная мать-владычица!
Рыба, ошалева, в известняки тычется,
словно полуденный памятник моей зачумленной гордости!

Рядом с огромным материком, бронеколёсной глыбою,
маленький Крым-велосипед, полупрозрачный, чванится.
Каменеют рога вперемешку с двойными рыбами.
В горном котле крепчайшее время варится.

В нём красновато распались стыд и любовь, которыми
пористый чуткий пляж инкрустирован наскоро...
Колыбель костяная, нагретый прибор истории,
каплю лилового сока отдай мне, ласковый!

2

Душа не может телу повторить,
чего ей, грешной, хочется от тела.
И тело пить пытается,
курить,
играет в секс...
Как будто в этом дело!

Тела
сбегают в грецкий монастырь,
поклоны бьют,
лбы расшибают сдуру...

Клуб чёрных душ –
огромный нетопырь –
парит.
И ветер дует с Юга.
Дует.

3. Музей, сектор настенных надписей

«Дружно ударим нашей чистой любовью
по ихнему грязному порнобизнесу!»

«Жду тебя со вчера...»

«Машина –
лучшее занятие
для мальчиков!»

«Пей до дна, ты не одна!»

«Куклу
любят все
девочки!»

«В ногах правды нет, но счастья нет и выше!»

«Жаль мне тебя, стена,
каждый дурак на тебе пишет!»

«Сам дурак...»

«Кто там в кадре, кто за кадром –
ничего уж не понять.
Наш главреж такая падла,
раз-два-три-четыре-пять!»

«...пять кило помидоров, три кило салатного перца,
полкило красного кусучего перца и столько же чес-
ноку...»

«...в 62-й аудитории в 16.30
обсуждение проекта реконструкции
Вавилонской телебашни...»

«Чтобы создать реальность,
добивайтесь невысказанного!»

«Приходи ко мне на пляж,
расстреляв патроны,
и со мною рядом ляжь
невооружённый!..».

4. Музей, сектор настенных надписей
(продолжение осмотра)

Ещё надпись сбоку,
вроде хокку:
«Убей,
 потом попробуй оживить.
И, оживив, посмей
 опять убить!
Любимая, в день встречи невзначай
день смерти для меня не назначай!».
Рядом с ней
автопортрет.
Тела нет.
Только точка... запятая..
в общем, рожица кривая.
Через висок – гвоздиком наискосок:

«ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ.

Любимая моя,
как ты прекрасна!
Особенно,
 когда,
 наперевес
дензнаки взяв,
 на нас идёт опасность,
и скалится ухмылкой
 Венский лес.
И есть барьер.
Я точно ощущаю.
Привык.
О нём спокойно говорю.
За то, что ничего не обещаешь,
особенно тебя благодарю...

Любимая моя,
я волком вою
и погружаюсь в ненависть без дна,
когда ты не одна,
когда вас двое...
Всегда ты не одна...
Ты не одна...
Любимая моя...
как ты прекрасна...
Любимая...
моя...».

5

Весь из ножей,
из юных женщин
и нежных жён,
был белым фосфором увенчан
Гурзуф
и заживо сожжён.

(Гурзуф – условно.
Это фон.)

6. Музей, сектор памяти, время нерабочее

Младшая научная сотрудница Неонила
Раушняк,
вспоминая происшедшее, говорила
так:

«Облака Луну куда-то несли.
Он, конечно, сигареты посеял.
– О, – говорит, – заодно и курить бросим!..

Потом мы широкою лодку нашли.
Брюхом в песок.
Без вёсел.
Он, конечно, давай разливаться:
мол, отдадимся на волю стихии
морской,
пусть нас несёт
мимо Турции,
Греции,
сквозь Гибралтар,
к Новому Свету...

А я ему:
– Ишь, хитрый какой!
Да уберите руки!
Здесь вам ничего не светит!..

Он, конечно, в лучших чувствах своих обнесён
и в серьёзных намерениях не обеспечен.
Но ведь нельзя же так жить, будто всё это –
дивный сон!
Когда-нибудь да проснёшься – а ты уже изувечен!..

7. Музей, сектор болевых точек.

дай-юань – 15-17

и-щи – 26-27

шу-чу – 13-16

Замшевый воздух кожи пустой, как блюда.

Не могу уснуть, не хочу проснуться.

Так и брожу – о боже, как долго, долго! –

между водой и жизнью, между бедой и домом.

Так и брожу, постоянно уснуть рискуя.

Так и дышу – то в одну ноздрю, то в другую.

Так и дышу – верблюду без ушка иголки.

Замшевый воздух кожи меня приглашает в гости.

Замшевый воздух кожи меня принимает в долю

между бедой и жизнью, между водой и домом...

8

- О чём ты всё время думаешь?
- У меня привычка такая – всё время думать.
- Не может быть, чтобы это были только мысли.
Я же вижу, тебя что-то мучает. Что? Или это нельзя сказать?
- Можно.
- Скажи.
- Потом.
- Сейчас...

9

...Несколько шагов, и кончики её груди
ритмично подрагивают под белой тканью.
Как пёрышки самописца...

10. Письмо без адреса и начала,
здесь оно совершенно случайно

...а крик живёт в лесу
и ногтем метит девушек простуженных.
Вот я проснулся.
Вот меня несут
топить в спирту,
как чёрную жемчужину.
Кормился раем
и сырками плавлеными.
Да всё приел.
Как в голубом кино.
Лишь света невесомое руно
от головы, красивой и неправильной.
Дорога изначально нелегка.
Вот этот дом зелёной мордой клоуна
похож на театральную столовую.
Три брата в нём живут и мясника.
Вот в этом доме женщина живёт,
копыта вместо пальцев ног имеющая.
Но, впрочем, говорит, что это мелочи,
и цокает подковкой круглый год.
Вот здесь в тот раз стояли отдохнуть.
Хозяин вышел и послал их к матери.
И с той минуты
– слушайте внимательно! –
он вместе с нами продолжает путь.
Девчушка вышла флагом помахать.
Похожа на тебя.
Такой же
локоть...
Товарищ с Востока
ликует жестоко.

Есть, значит, на что ликовать...
Кто умрёт – уже не воскреснет.
Надо глядеть в глаза.
Флаг – у неё,
у этих вот – песня.
И все скользят...
скользят...

Мне потому ещё здесь так тяжко
в невысокосный год,
что приходится в кофейных чашках
расковыривать бежевый лёд.

11.

Блеснут осколки стоваттной лампы
над нами – осколками расы атлантов,
обломками башни до стратосферы,
обмылками лимба,
рывками веры.

Генерация
из мандрагоры,
из древка, не испытанного на усталость,
это – ты,
это – я,
это – Город,
клинопись
кирпичом по металлу.

Клинки языков,
переплёты сексов,
закон, безвольней любой удачи,
это – ты,
это – я,
это – экспорт!
И это для них ничего не значит!

Мы пили, пили, мы без просыпу пили
из перламутровой чаши неба,
богов веселья себе лепили,
кормили их кровью, любовью, мясом
других
богов,
героинь,
героев,
отличников строевой подготовки.
Бродило время –
осёл вокруг краба.
Наша вечность тянулась тонкой
царапкой опалы
вдоль чистой вены...
И втравлена там, где её не хватало,
бездымная формула сфер вселенной
мочевой кислотой по металлу.

Не пивная здесь и не узел связи.
Спрячт бог и луна в голубом унитазе.
Память, вербующая гренадёров,
ещё обнаружит свой пасквильный норов
и пойдёт петлять снежным кроликом,
а то зубастой, жёлтой и голенькой.

Свои скульптуры,
свои поцелуи,
свои логические структуры
сажают они на края плотины,
на книжные полки,
на женские плечи,
желтеющие от безлюдья и грима...
Попадают в яблочко, целясь мимо.

Да уж лучше пусть потолки твои рухнут,
пусть корабли твои на куски распадутся,

пусть сыновья твои отрежут
отцам носы, пустые, как пасти!..

Это ты.
Это я.
Без скафандров.
Без счастья...

12

Осень кровью слепит сквозь кристаллы снов,
лиловых, жёлтых, изнуряющих глаз,
сквозь липкие муравейники
неразделённых слов,
сквозь проборматывание
неразделённых ласк.

Кровь кормиться готова
следами пальцев твоих.
Вариантов твоих волос
в пространствах дрожь.
Отплывает, крутясь, от башни
неразделённый стих,
неумышленно подчиня
огонь и дождь.

Я гляжу в тебя
сквозь тёмную линзу вод,
свитеров, трамваев колючий калейдоскоп...
Я живу услышать неправильный оборот.
Я живу,
как трава растёт,
засыпаемая
песком...

РЯЖЕНЫЕ

непозма

М.

I

Ноздреватые стены полусна, полулюбви.
Посредине – бассейн, и мальчик бронзовый с веткой.
И тритон желанием ёлочным нас тревожит нередко,
и, летучее будущее, не коснись головы!

На пределе этого сна дрожит строка.
Чем-то жертвуем, чтобы ничего не дарить.
Любит, не любит, плюнет издалека,
к сердцу прижмёт, выйдет перекурить.

Кровь туманит жажда; плохой актёр, упаду к воде,
с родственной влагой глаза смыкая всё чаще.
Ждёт своей череды кормовая ложь нелюдей,
рассекая надежды душ и души надежд настоящих.

Спрятать профиль; прежде чем прикоснись,
спрятать профиль с медали, сей горделивый росчерк!
Это ад идеи и всё, чем небрежна жизнь.
Спрятать профиль твой и так далее, и всё прочее.

Мой язык мечтает о знаках тебя назвать.
Моё тело не помнит сил, видящих твою душу.
Диалоги растут – их ещё предстоит оборвать;
и законы чеканятся неподдельней игрушек.

Избегавший игры не знал, что он сам – Игра.
Перемена знака даёт лишь перемену знака.
Кто-то пустит с лестницы панцирное «урррра!».
Все слова – лишь невнятный бежевый шум.
И однако...

II. Из разговора

- Вы, наверное, читаете?
- Да, читаю иногда.
- Что же вы предпочитаете?
- Что проходит без следа.
- Вы, мне кажется, волнуетесь?
- Да, волнуюсь всякий раз,
когда вы со мной целуетесь –
много лишнего от вас!..

III

Царь Ирод, Воин, Ведьма, Чёрный Пёс,
два Ангела и Чёрт,
который нёс
семь Душ в котле чугунном – вся компания
была весьма щедра на обещания.
Огромные и пёстрые тела...

А впрочем, веселилась, как могла...

А я украл для тебя со стола мандарин
маленький, сунул в нагрудный карман на глазах
у всех,
повернулся да и ушёл один,
чопорней, чем
английский секс.

Уходил, дурак, как в стенку гвоздь.
А вдогонку мне неслось:
– Надо б разобраться в этой аванюре,
что – де-факто, а что – де-юре!..
– Как вы считаете, он это искренне?
– Лично мне любопытней, оправдан ли риск его!..
– Заверните его! Сгодится ещё!
– Ой, да ну вас! Сплюньте через левое плечо!!.

IV. Из письма Ирода

«... во времена римского владычества я был директором бродячей труппы, одним из тех чудаков, что отправлялись в Сицилию и покупали там женщин, чтобы сделать их комедиантками...».

V

Гаснет день, и я пробуждаюсь.
Ночь горяча, мягка.
Что толку оплакивать мечтательную страну,
где мы не живём уже!
Впереди – двенадцать часов пути.
Лучше и не придумаешь:
расплеваться с семьёй и с родиной, плюнуть
на обстоятельства,
глупые, сильные, жизнь.
Лихорадочны сборы при фонарях,
спичках, бумажных факелах,
красных зайчиках лазерных.
Свежеет к утру.
У меня внутри открылась отдушина голодно,
и воронкой в неё утянулись волнистые
пряные запахи.
Ночь, всадник со скульптором на плечах,
всё же упорство чего-то да стоило,
может быть...
Разнообразные любовники Нежности,
все мы изгнанники.
Не выклянчить
знания,
ни религии,
ни надежд на бессмертие.
Сумасшедшие
к нам так и тянутся.
Почему-то собрание
убитых и неубитых катуллов
происходило в убежище.
Перед дверью открытой
мы упирались,
мы кричали:

«Секрет!»

Признайся, какой же ты каин?

А ведь авель?

А

от дождя и солнца
голубоватый мрамор
стал бледно-жёлтым,
плотью, живой от жажды.

Я сегодня был

мужчиной, женщиной, стаей,
я катался верхом в лесопарке глухом,
книгу красных жалоб читая.

Плод срывается спело, поделом вору и ласка.

Тело

моя самая жгущая маска.

Античные головы
себе на уме, улыбки.

Старые мастера
взглядом поверх голов:
так, циркульная пила,
отлично.

VI. Из материалов пресс-конференции

- Что Вы можете сказать, например, о Ведьме?
- Никогда не появляется без маски. Ходят даже слухи, что Ведьма – мужчина. Чепуха, конечно: в трупке вообще нет мужчин, все мужские роли исполняются женщинами.
- Как, простите? А Вы?
- Ну, я...

Я песня спасённой девы,
я стук четырёх колёс,
я пою, выжимая воду
из моих сожжённых волос.

Хор: слепые поют наощупь,
слепые поют наощупь...

О том, что дракон зарезан,
что яблока стук в траве,
что звёзды взошли над лесом
следы живые твои.

Хор: слепые поют наощупь,
слепые поют...

Слепые поют на память,
зачумленные, в кострах.
Тяжёлый памятник – пламя,
чтоб не разлетелся страх.

Хор: слепые поют...
слепые...

я песня ужасной Девы...

VII

Как срывают маску-пластырь,
как удар
поленом
вдруг встречаем:
– Здравствуй!
...здравствуй...

...в маленькой вселенной...

– ...что ж портфель ты носишь слева?
Справа надобно носить!
– Я ношу попеременно,
чтоб осанку сохранить...

Приклонюсь щекой на глобус,
что уселся в позу «лотос».
(Где ты, друг мой?
Где ты?..
...друг?)
Это – север,
это
Юг.
Эта точка – Барселона,
эта – Генуя.
А вон там, повыше,
Зона.
Наша.
Эрогенная...

– Чем сложнее конфигурация,
тем хуже цивилизация!
– Но зато уж экзистенция
не влияет на потенцию...

И опять ты проходишь мимо, и
взгляд мой голоден наяву.
Снова яблоко соблазна, любимая,
яблоком раздора
зову.

VIII

Переговорный пункт. Девушка с аккуратной
круглой головкой,
в круглых очках, тоненький свитер, джинсы,
напрягшись.
Под моим взглядом переменяла позу.
Ты ни за какие коврижки не меняла бы позу под
взглядом,
ты всегда, сколько знаю, безупречна в простран-
стве...

IX

– У тебя четыре маски,
у тебя четыре тела,
тело-мини,
тело-макси...
Ты сама того хотела!

– У меня четыре тела,
у меня четыре сердца.
Я сама того хотела,
а теперь – куда мне деться?
Но ведь мы и в масках – люди!
Ты не хуже – лучше всех!
Каждый день проси о чуде!

– Каждый день мой – жадный грех...

(Мы внидем в страны – нет у них границ –
и снимем маски – а под ними лиц
нет...)

Горит Восток зарёю старой,
сплошь маск-культурен небосвод,
а Ирод-царь берёт ситару
и сиплым голосом поёт:

– В далёкой, но прекрасной Атлантиде
атлант женился на кариатиде.
Он бормотал ей разные слова.
Плыла русалка к берегу морскому.
Теряли всадники дорогу к дому.
Гудела кровь.
Болела
голова.

Как страшно мы себя не замечаем!
Приходишь в гости – угощаю чаем
вместо того, чтоб руки целовать!
А волосы твои слепят всецело...
Порой продать согласен чёрту тело,
да покупатель явится едва ль!

Романтика – прельстительное дело!
Плывёт у горизонта каравелла,
плетётся по пустыне караван...
А завтра на работу в восемь тридцать.
Уже и не мечтаю застрелиться
тут хоть бы не болела голова!

Ах, боже мой, какое наслаждение,
когда с висков снимают напряжение
и стелется под ветром трын-трава!
А если ждёте вы чего другого,
то вспомните: вначале было Слово,
ну, а потом – слова, слова, слова...

Спокойствие
есть лучшее лекарство.
Никто уж не венчает нас
на царство.
Русалки тихо плещутся в воде.
У них такая чистая работа,
что их не видит, высадившись, рота
не только здесь, но и вообще нигде.

(Тут инструмент к другому персонажу переходит,
которого не стоит называть.
Он иногда вообще без верхней маски ходит.
А впрочем, всем на это наплевать.)

– Тёплым шарфом по шее
мягко стелется кровь.

Вот уже без ушей я,
а пою про любовь.

Море полусухое,
ветер полуслепой.
Я расстался с рукою,
но пою про разбой.

И осталась в капкане
что похуже нога...
А преследовать манит,
и пою про врага.

Жизнь приходит к нам силой
с Юга и покидает
нас, уходя на север –

Х

Я не хочу возвращаться в античность,
я не хочу возвращаться в провинцию,
я не хочу возвращаться,
я не хочу,
я не
я.

В наших сёлах,
зелёных и жёлтых,
раздольно живут вовкулаки.
Они в сумерках через голову кувырнутся
и волками становятся,
а на рассвете
они снова людьми обернутся.
Здесь в лунные ночи
молодые ведьмачки
превращают мужей своих сонных

в коней
и на них верхами гасают.
Здесь колдуньи
злые соль подсыпают в коровьи следы,
чтоб отнять молоко,
а добрые, только попросишь, зашепчут гадючий
укус,
искупают дитя слабосильное
в отварах из пупыря, каржавки, любыстка,
чтобы выросло исполином.
Здесь живёт ещё бог стародавний лесной,
он с медведями возится в чаще,
на вершины деревьев плюёт,
подвывает пастушеским дудкам,
бог поганский
сияет ночными огнями,
знать не знает
другого,
вашего
романтика-бога,
разодетого в золото.

XI. Из разговора

– А ты знаешь, кому доставить мой скальп? –
спрашивает с угрозой.
– Знаю. Какая с тобой тоска!
Какая дрянная проза!!

До чего же мне опротивели ваши псы, ваши катапульты,
арбалеты, баллисты, списки, наспинные знаки,
бюсты из гипса, урны и «пусто-пусто»,
метакомпьютеры, метамакеты и метамаки,
идолы, идеалы, засекреченные игральные карты,
кофейни безрольных поэтов, бездарных актёров,
термосы, херувимы, атриумы, астралы, кармы,
эгрегоры, эпитеты, анафоры, полотёры!!
До чего надоело править лодкой в Субуре,
консулу поставлять девчонок, террористам – запчасти
для пулемётов,
ландшафты – вагону изжёванному и анекдоты
вместе с ухмылкой, смущённой якобы, – публике!

Рукопись мою игрек в подарок ко дню рождения просит,
дочь моя выходит замуж за гермафродита,
и совсем нет лета – тринадцать месяцев осень,
и до чего ж,
до чего ж пережрался я вашим бытом!

До чего ж не моё всё вокруг меня,
и стена не моя вокруг меня,
и окно не моё вблизи меня,
и жена не моя вдали меня,

и совсем не мой зазеркальный взгляд,
и в кармане нож совсем тупой.

Дипкурьер? Но тогда почему слепой?
А Эдип – но карьеру бы сделать рад?

Если будете плохо вести себя, дети,
и не будете слушаться маму с папой,
вас назначат Иродом на этом свете
и до смерти будут сердце царапать!

Вас покинут друзья через миг короткий,
и останется вам повторять нелепо,
что верны в этом мире лишь стопка водки,
стопка бумаги, краюха хлеба...

Ладно, кто-нибудь выполнит после меня задачу эту:
ритм стиха в тягомотину повседневную вденет,
всё заполнит бликами с поверхности моря, сосущими
границы предметов,
внутренней силой стилия обойдётся почти без всего...
может быть, даже без денег.

XII

Мы говорим о пустяках и горестях,
о том, что прочно дело на крови.
Плывёт, плывёт, не изменяя скорости,
заносчивая лодочка любви.

Который век вот так уже болтаем мы,
и нет для нас ни смерти, ни жены.
Плывёт сквозь упования и отчаянья
старательная лодочка луны.

XIII. P.S.

На бумаге бывают жёлтые пятна –
это дерево проступает обратно.
В тёмном свете оранжевые они.
Так лоза из солнца пьёт сновиденья,
и ей нет до жажды и жадности дела.
Желаешь тонуть –
тони!

Солнце тоже ждёт, того и не зная.
Золотая, чёрная, золотая,
полосатая одежда судьбы.
Под одеждой – душа, она же и тело,
и ей нет до жажды и жадности дела.
Кто тебе мешает
любить?

XIV. P.P.S.

Ты проснёшься скоро. Кофе закипает.
Нас кофейной пеной время обступает.
Время всё точнее, пена всё пышнее,
всё горчит сильнее.
Я тебя люблю!

И стихи, и звёзды время уничтожит,
и цветы, и птиц, и нас с тобою тоже.
Но за то, что мы с тобой не разминувшись,
будь благословенно, время во хмелю!

Если мы не вместе, времени – избыток.
Колесо его – для бега и для пыток.
Время всё быстрее, жажда всё острее,
всё горчит сильнее...
Я тебя люблю!

Были мы когда-то существом единым.
Как же я теперь смогу тебя покинуть?
Как же я теперь...

МАГАЗИН ПРЕДМЕТОВ

непоэма

I

Среди прочих вспоминал его фантаст
не один – да вот Уэллс соврать на даст!
Призабытые, как воды, чудеса:
лица, блёстки, смех, объятья, голоса,
дом, в котором я тебя не поселил,
и цветок, что я тебе не подарил,
и оружие для рыцарских боёв –
безопасно, даже если и убьёт.
В магазине, на миру, красна и смерть
(забери меня – любимую не смей!).
А над входом – драгоценный циферблат,
стрелки крутятся и крутятся назад.
Хоть и поздно я узнал, что не один,
мне откроет всё же двери магазин.
И не будет больше бед в моём дому,
сладость мести мне отныне ни к чему,
я забуду напрочь слово это: «месть»...
(Этот текст и сам воспоминанье есть,
золотым прикосновением течёт...)

– Извините, но у нас переучёт!

II

Зачем ты здесь?
За что ты жив?
За чей ты счёт в вопросах властен?
Учти, что душам ни ножи,
ни лампы не нужны,
ни ласты,
ни крылья...
В молнии живёт
душа,
над водами летает,
а тело хвастает – и вот
кофейной гущей выпадает.

III

Дождь,
дождь опустился на город
по складной шелестящей стремянке.
Дождь разменивает свою оловянную мелочь,
рассылает своих насекомых стеклянных.
Дождь, дождь, лампа.

Не вернуться в лето,
не вернуться в лето,
не вернуться...

Дождь, дождь, дрожь.
Надоедливый дождь. Влюблённый.
Не забудь, не забудь, помни...

Над холодным пляжем, над отпечатками наших тел
барражируют инопланетные блюдца.
Им плевать, что они легко узнаются.
У них другие проблемы...

Дождь, дождь.
Дождь.

Дочь.

IV

Тело пляшет, гневается, пишет.
В нём – страданье.
Это навсегда.
Нас вбирает дождь без передышек.
Смерть и осень – там ли, где вода?

Комната твоя, как толстый свитер.
Травы проступают сквозь слова.
Дождь прошёл.
Ваш город слёзы вытер.
Где-то затерялась голова...

Разбирайте старые заказы!
(Лет ушедших чёрная тесьма...)
Ждать письма, люблю, чеканить фразы.
Ждать письма.

V

Ни одна форма не может быть совершенной.
Как далеко заведёт изученье предметов:
предметов еды и сна, драгоценностей лета,
запруд тёмной любви, реквизита красной ли сцены?
Обряды, толкаясь, лезут на головы ритуалам:
полёт Лилиенталя на планере-биplane
вкруг головы Молоха, набирающей свет в тумане,
словно горящий корабль!..
но и этого мало!

Напротив меня в вагоне метро – человек
в коричневой шляпе
(да-да, больше на нём ничего не надето!);
и шляпа, и обладатель её принадлежат к предметам,
и предметно их возвращенье в дом,
где из крана паденье капель
в пустоте...
И моя тоска,
бесстыдная рана
(я пытаюсь скрыть её, сжимая края, а она всё больше,
всё подобнее карте средневековой Польши,
чей вассал – Тевтонский орден...).
И зеркало-обезьяна...
И слепая зубная щётка...
И, лёгшие продолговато
голоса в лесу, шероховато-зелёном...
Завтрак – белый предмет
(мальчик-кукла, творог и вата).
И эшафот – бодрый предмет неопределённый...

Воют предметы-красавцы, лебезят предметы-уроды,
мельтешат перекусывающие друг друга предметы,
демоны второго, третьего, четвёртого рода...

Боже! пошли мне силы!

или хотя бы

лето!

Это даже Тебе

под силу!

(Плод вечно спелый

не упадёт!)

Ты ведь сам пожелал, чтобы всё шло по кругу...

Почему же Ты время прямолинейным сделал?

Почему так поздно позволил мне встретить друга?

Почему позволил

Тебе

задавать вопросы?

Почему позволил Себе

не давать ответы?

Почему, почему я в Тебя никогда не смогу поверить?!

Глаз,

который Ты скосил на меня, —

мой же глаз,

на тебя взирающий косо...

VI

Голова моя давно затерялась.
Обхожусь пока без головы.
Где-то помнит она про жалость.
Полон рот синтетической травы.

Хорошо, что я её не вижу.
Хорошо, что не коплю обид.
Тело движется, утешенья ниже.
Голова ничего не говорит.

VII

...раздавленным виноградом вместе с косточками и шкурками
заполняется бочка почти до самого верху,
оставляется сантиметров тридцать,
так как при брожении начнёт подниматься.
Бочка ставится в тепло на неделю,
по три-четыре раза на день
содержимое перемешивается длинной
деревянной лопаткой.
Когда в день седьмой
окончательно исчезает сладость
и появляется полная горечь,
слить со шкурок в другую бочку.
Шкурки отжать под прессом,
а чтобы косточки удалить со дна бочки,
ополоснуть её,
но не водой, а полученным горьким напитком.
Чтобы и эта пара литров не пропадала даром,
через дуршлаг отцедить в тот же сосуд.
Теперь всю жидкость опять слить в первую бочку,
опять в тепло на неделю, на отстой.
Оно будет шуметь, сверху будет пена.
Когда перестанет шуметь, исчезнет пена –
вино готово.
Его переливают в бутылки
или в бочку закрытую.
Переливать осторожно, чтобы не всколыхнуть на дне
осевшие дрожжи.
Брожение и отстой – в открытой бочке,
но сверху накрыть её плёнкой,
накинуть старое пальто, одеяло, чтоб было теплее.
Вино – как ребёнок,
с ним прежде всего нужна
осторожность.

VIII

Нет такого предмета,
от которого человек отказаться не мог бы.
Человек и сам не очень-то понимает,
что ему действительно нужно.
Хорошо скрипке со смычком пересечься в оргии звуков,
а какво распахнутому футляру?
Нужен ли человеку
такой предмет, как русалка?
Предмет ли русалка?

.....
Поэт ведёт свою речь
из неведь откуда в чёрт знает куда,
он и сам точно не ведаёт цели потока слов.
Сначала он призывает предметы рубить,
потом – любить,
потом говорит, что вообще-то это беда,
что предметы жадно сосут человечесью яркую кровь...

Ну, а хоть бы и так – что её, кровь, солить?
Кровь на то ведь и кровь, чтоб её куда-нибудь лить:
то ли в душу-тело любимых,
то ли врагу в глаза,
то ли в пасть предметов несытую...
но не пролить нельзя!

Драгоценные чаши,
переполненные нежным вином,
ходим, толкаем друг друга, курим, плюём,
вершим без счёту мелкие подлости, подвиги – иногда,
созерцаем друг друга, почти не зная стыда...

Оттого-то наше вино переходит в розовое желе,
никого-то, кроме себя, мы не желаем жалеть...

Просыпаюсь во сне для новых снов и, не зная ещё, что сплю,
окликаю тебя:

«Обними!.. дай руку!.. люблю!..»

И тогда уж по-настоящему пробуждаюсь, одиночеством
потрясён...

Впрочем, кто доказать способен, что и это не сон?

Значит, есть надежда проснуться в мире, где места пред-
метам нет,

где неспешно течёт световой поток,
берега которого – свет...

Кое-где брусчатку асфальт ещё не закрыл,
кое-где брусчатка ещё не закрыла пыль,
кое-где и пыль ещё не закрыла соль,
кое-где и соль ещё не закрыла боль.

Ну и что с того, что в тысячу первый раз закат кровав?
Что с того, что в тысячу первый раз ты зовёшь слова?
Что твердишь свои заклинанья опять, опять и опять?
Сколько ни надрывайся – живую кровь не создать!

Ученик колдуна,
преврати это слово
хотя бы
в нож!
Ничего ты не можешь...
На улице –
снова
дождь.

Белый дождь,
непрозрачный круг,
дай ты нам вернуться на Юг!

А в ответ хохочет снова и снова
красный предмет – трамвай:
«Вот и ты – ещё один –
предал
Слово...
Что ж, наливай!
Будь здоров, не суши себе даром голову:
эликсир ли, яд?
Для того, кто куплен с костями Городом –
нет дороги назад!».

Значит, вот что с нами делает Магазин...

.....
Можно страх и смерть на комиссию сдать,
страсть и ум напрокат получить.
Есть в продаже всё
– ну, почти что всё, –
но за всё предстоит платить.
Шарит по углам телекамеры хищный клюв:
это кто же там
вздумал безвозмездно сказать:
«...люблю...»?!
Знаменательный лозунг века:
«Купи – продам!».
И уже не белый дождь –
серый ветер –
в дрожь – по следам.

.....
*Сборка противогаза производится следующим образом:
в левую руку берут шлем-маску и правой
рукой присоединяют к ней ввинтной гайкой
гофрированную трубку. Затем в правую руку
берут коробку (гофрированная трубка с опущенной
вниз шлем-маской остаётся в левой руке)*

*и завинчивают её до предела в накидную гайку
гофрированной трубки... Предварительно осмотреть
коробку
и трубку на предмет наличия
проколов, прорывов,
пробоин, вмятин,
ржавчины пятен...*

Никакому сплаву ржавчины не избежать...
Не пора ли тебе задержаться, смакующий
смерч в горсти?
Не пора ли остановиться и свет прижать?

Говоришь:
«Виноват – казни,
но за что же страдать другим?»
Да хотя бы за то, что твоя готовность – наглая ложь!
Даже в страшном сне не сумевший шагнуть сквозь огонь
нагим,
наяву
и в костюме асбестовом
не пойдёшь.
Твой талант уходит на то,
чтобы уходить от ответа
блистательно: дескать, мы не рабы.
Чтобы так, как ты, ненавидеть предметы,
надо плотью от плоти
и костью от кости
предметов
быть.

Х

Любимая, постой! Зачем нам путь
по холоду, вне времени и места?

Прошу:

«Ты только будь!

Ты только будь!» –

я, говорить вне тела не умевший.

Писать – да это гвозди в водоём

бросать – вещь не в себе – и вечность – даром.

.....

Но мы живём над рыбой,

мы живём,

кружа

меж наводнением и пожаром.

СУМЕРКИ ПРЕДАТЕЛЯ

непоэма

...он омыл своё тело...

Эпос о Гильгамеше.

...крича от жажды...

София Парнок.

...и в огонь полетели мы вместе.

Юрий Зморович.

1.

Взгляните, как мы хорошо поём,
как мы великолепно предаём,
как наших крыльев радостный окрас
страшней в ночи пульсирующих трасс!

(Вносите деревянного коня!
Огня сюда, сограждане, огня!
Но не затем, чтобы подарок сжечь,
а чтоб видней, где под колёса лечь.)

Вот и сейчас –
ты ищешь точных слов,
ты молишься своим полубогам,
а памятью твоею правит кровь,
она уходит в землю по ногам.
И, как всегда, торгует кровью ложь,
блестя, как заражённая вода...
Ты снова здесь.
Ты снова предаёшь,
к предательству прикован
навсегда.

2.

Ещё хлещет струя, ещё пенится жёлтая смесь:
кровь и совесть моя, кровь и соль, кровь и сон,
кровь и смерть.

Ещё тычется пульс, ещё кожу стремится пробить –
этот путь, этот путь, этот путь, этот путь,
на котором ни петь, ни любить.

В море тонет перчатка, но пальцы ещё над водой.
Воздух тянется сладко, и я за стеклом – молодой.
И не ведает тело, что осуществлён приговор,
и томится по крови и пеплу, и вяжется в спор.
Это время журчит, по камням и асфальту струясь,
это там, это тут, этот путь, эта тьма, эта грязь...

3.

...сон, еда, сон, еда, сон...

...постоянно твердит, что хочет-де пить...

...дин, дин, дон...

...постоянно твердит, что не хочет-де жить...

...еда, сон...

4.

Расскажи мне, пожалуй, о Всём Видавшем,
всё и всех повидавшем, себя предавшем.

Предавал сначала чужих и голых,
чей сквозь линзу часа чуть близок голос.

Предавал бессонно, самозабвенно,
как звериный зов предаёт антенна.

Предавал и закон с вершины Синая,
и тебя, любовь моя нутряная,
предавал...

А когда о предел запнулся,
то приснилось предателю, что проснулся.

И во сне пробужденья, бесплодно-длинном,
был разъят и съеден, омар в гостинной,
облепиховый мастью, бунчужный телом...

И трясина всосала скелет по темя...

Так расскажи мне о Всём Видавшем...

5.

...он, подобный латной перчатке,
жёсткий снаружи, пустой внутри,
раздраконенный на сто четыре части,
позабывший в сердце ноги свои;

я, подобный нежной медузе,
чья кровь – синильная кислота,
что ни сделавший в этом странном союзе,
всё не то, не туда, не так;

ты, потомок вихря (рабы его – флаги –
отступают в полном порядке вниз,
в цитадель из веленовой плотной бумаги...)...
– Не шагни на карниз!

(Жест, должно быть, сильнее всего на свете,
жест спокойно выводит из тупика,
жест легко раздирает все липкие сети –
но для жеста, как минимум, нужна рука.)

Солитер солярию не товарищ.
Друг Народа народу враг не всегда.

– Ты убьёшь меня?
– Да, убью.
– И зажаришь?
– Нет, сварю.
– И полюбишь?
– Да. Навсегда.

...ДАЙ-ТО БОГ!!!
Наконец я забуду голод,
горечь в горле, тоску и наглую боль!
(Он – броня; я – изнанка, не то что голый.)
Наконец, наконец я стану
Тобой!

б.

А если б жажду можно было утолить,
когда и кто её бы жаждой называл?

А если б тело – не затем, чтоб кровь пролить?

А если б жизнь – не меж смертями интервал?

Вокруг всё та же дивная страна.

Трамвай грохочет, под названьем «скорый».

Романс жестокий слышен из окна:

«Прошла любовь, завяли помидоры...».

7.

Изменения, конечно, происходят, но все они бывают только к худшему. Когда видишь из окна троллейбуса юношу и девушку, идущих, взявшись за руки, и лица у них...не скажу: счастливые... человеческие!.. так хочется выбежать к ним и сказать: «Расстаньтесь, расстаньтесь немедленно! Вы сейчас на вершине счастья, дальше будет только хуже... Нет, конечно, будут ещё хорошие минуты – но всё будет хуже, хуже и хуже...».

Время безжалостно, безжалостней даже человека – хотя безжалостней человека трудно кого-нибудь найти. Становится грубой и дряблой нежная кожа – на лице, на груди. На шее, в ложбинке, куда так любят целовать влюблённые и втыкать нож убийцы...

Мы все хотим иметь много денег, но сколько это: «много»? Тысяча, десять тысяч, сто? Большинство из нас никогда не держали в руках больше зарплаты, но «много» – это нечто совсем иное.

Это такое количество, когда отношение к тебе меняется качественно. Когда тебе доступно практически всё. Когда ты мчишься в своей машине на красный свет, и тебя останавливает постовой, и ты даёшь ему купюру, и он козыряет тебе – можешь ехать на любой свет: красный, зелёный, фиолетовый.

Так вот, имея такое количество денег, можно приобрести огнёмёт. Именно огнёмёт.

Можно собрать в одном месте всех, кого ненавидишь (а таких за жизнь накопилось немало).

Можно купить людей, которые приведут их в нужное место. Можно купить людей, которые сделают так, что это пройдёт безнаказанным. Кто не купится на тысячу, купится на сто тысяч. Кто не купится на миллион, купится на сто миллионов. Купить можно всех и всякого, только у каждого своя цена. Ну, почти всех.

И вот, когда *эти* собраны в одном месте, можно их сжечь.
Своими руками.

И вот тут-то начинается самое страшное.

Что дальше?

Ненависть хоть как-то питала жизнь, но теперь, когда объект ненависти уничтожен, как жить? Зачем? Человека, сжираемого ненавистью, можно уподобить дереву с дуплом. Дупло всё растёт, становится больше ствола; это чёрная дыра, засасывающая всё...

И вот, оказывается, некого и нечего засасывать более...
разве себя...

8.

Ошибся ты, старик Хайам:
я пил вино и не однажды;
оно (о Господи, отдам
всю кровь!) не утоляет жажды!

Как жажда сушит изнутри,
несёт, раскачивает, мучит!
Ну что же трусишь ты? Смотри!
Ты думал: спящим будет лучше?

Смешались гнусность и жара,
сравнились голод и отвага,
и только жажда, как вчера...

Сильней по-украински:
«жага»!

9.

...Национальность. Партийность. Степень владения русским языком. Данные о родителях. Отношение к выполнению общественных поручений. Нравственные качества, интересы, связанные с воинской службой.

Трудолюбие, добросовестность. Самостоятелен, способен вести за собой, подчиняется чужому влиянию, общителен, держится отчуждённо. Реакция на критику товарищей и старших безразличная, агрессивная, адекватная.

Наблюдательность, сосредоточенность, отвлекаемость.

Сообразительность, понятливость. Целеустремлённость, решительность и другие волевые качества. Уверенность в себе.

Преобладающее настроение. Поведение в сложных и конфликтных ситуациях. Громкость и разборчивость речи.

Особенности почерка. Устойчивость к укачиванию.

Курение, употребление алкоголя, наркотиков. Странные, необычные поступки и наклонности. Неискренность, лживость.

Социальная зрелость...

10.

Я иду, не задумываться стараясь над тем, почему ступня такой малой площадью вертикальное держит тело.

Я иду; время тоже ходит внутри и вокруг меня.

«Плод срывается спело».

Я иду; дети лизнут мороженое, зубы у них целы;

колбаса уходит в фольклор, ей приветливо улыбаются

ананас и рябчик.

Я иду, и вращается время внутри и вокруг бензопилы...

– Друже, позычь рупчик!..

Ох, какая ретруха! теперь говорят не так;

что-то шепчет мне старомодный металлолок, он же –

электрический фатум.

Старший товарищ убедительно просит меня не бояться,

разжать кулак

и, когда я отказываюсь, вежливо покрывает матом,

словно глазурью. Видеть теперь трудней,

но я продолжаю двигаться, ведь не каждый день вдохновение,

не всегда такая везуха.

И, конечно же, пляшут на пляже нежные девушки – эй! –

и бритвы им раскрывают рты от уха до уха,

словно на широком экране, и светятся зеленоватые волосы их,

сами знаете почему,

знаете все, только говорить не хотите;

и всё это уходит в копошащуюся полутьму,

город стыда и страха, безаварийный Китеж .

И если раньше жил в камере смертников, апелляцию

за апелляцией посылая вдаль,

то теперь узнаёшь, что приговор утверждён и апелляций

больше не будет,

но зато патронов не завезли, так что дыши покамест и

прицепи медаль

как-нибудь поинтересней, – ну, например, подмышку!
– пусть побалдеют люди.

Так ничему и не научился.
А ненависть не даёт плодов.
Это тебе не магический реализм вдоль всех Америк.

Я иду. Уголками губ улыбается командор
Витус Беринг.

11.

...невыносима лёгкость
чудовищной, сосущей пустоты.

Куда теперь свою направить лопасть?

...зачем ещё вообще летаешь ты?

И гибели ощупывая прелость
(ох, надоел!), предсказанной стократ,
кого призвать, чтоб уничтожить тело?..

...хотя об этом вслух не говорят...

12.

М.

Отец мой, ты так на меня похож,
как бред походит на бред.
Так пусть же меня не отыщет нож –
я должен в огне гореть.

Стальное стекло –
виноват ли, рад,
что дотянул до седин.
Но это тебя не касается, брат –
я должен гореть один.

Сестра и душа моя, будь добра –
живи, говори с травой!..
Пусть боль моя движется до утра,
я должен гореть живой.

Спустился по ниточке паучок –
разбить письмо, уметреть...
Тебе-то зачем это, дурачок?
Я должен один гореть.

Твоя паутинка – радужный луч –
проткнёт мне мозг и плечо
и капнет бензином в одну из луж –
гореть
отвратней
ещё.

В красивых словах ни смысла, ни зла,
и сердца не излечить.
И скулы, и лоб сотлели дотла,
и смрад от костра в ночи.

ДЕТСКИЕ ИГРЫ,

или

Хроника последних дней
Забубельской школы чёрных магов
поэма-коллаж

М.

*Улетает корабель
В главный город Забубель...
Народная песня.*

**день
абад-боруш**

*

МЫ СОЗДАНЫ...

*

*– Прости им, – сказала женщина ребенку, – они играют,
как дети, но не творят зла.*

*

МЫ СОЗДАНЫ ИЗ ВЕЩЕСТВА ТОГО ЖЕ...

*

Когда рука моя с твоей расстанется,
что от тебя во мне останется?
Когда душа моя с телом расстанется,
что от меня в тебе останется?
Когда расстанется с водой соль,
что останется?..

ЖИЗНЬ –
всего лишь
СОН?
...морок...
...мара...
...марево...
...мираж...

Но
мне кажется
все чаще:
жизнь –
коллаж.

*

МЫ СОЗДАНЫ ИЗ ВЕЩЕСТВА ТОГО ЖЕ,
что и любой коллаж.

Не надо лаж.